

Цок... цок... цок...

В глухой предутренней мгле едва слышно разносился мерный стук копыт, переплетавшийся с чистым перезвоном медных бубенцов. Из серой полутьмы у края дороги медленно проступал тёмный силуэт.

Только под величественными стенами Юньаня, в колеблющемся свете пылающих на высоких треногах жаровен, можно было разглядеть очертания экипажа. Это была тяжёлая, добротно сбитая повозка тёмно-бурого дерева. Никаких украшений, никакой праздной позолоты — обыватель принял бы её за экипаж зажиточного торговца. И лишь истинный знаток, взглянув на запряжённых лошадей, восхищённо покачал бы головой. Две статные, высоченные лошади — вороная и белая — были чистокровными бэйцзюэскими конями. Сильные, невероятно выносливые, способные на стремительный рывок, эти кони стоили целое состояние. То, что их запрягли в обычную дорожную повозку, у любого ценителя вызвало бы лишь вздох искренней жалости: какое расточительство!

Впрочем, намётанный глаз уловил бы и другую деталь: колея, которую оставляли колёса на припорошенной снегом земле, была слишком глубокой для обычного пассажирского экипажа. Очевидно, внутри везли нечто весьма увесистое.

Правил повозкой рослый, плечистый богатырь с суровым лицом. Резкие, словно высеченные из камня черты, колючий взгляд из-под густых бровей, глубокая складка меж глаз и старый шрам на виске — весь его облик внушал невольный трепет. На дворе кружила редкая зимняя пороша. Несмотря на плетёную бамбуковую шляпу, снег уже запорошил его скромный тканевый венец и виски. Из одежды на великане была лишь тонкая холщовая рубаха да кожаный доспех поверх неё, но холода он словно не замечал. А тяжёлый палаш, рукоять которого виднелась за спиной, не оставлял сомнений: этот путник — искусный мастер боевых искусств с невероятно глубоким внутренним сосредоточением.

— Замёрзну ведь до смерти...

— И холодно, и голодно. К чему же так спешить? — раздался изнутри тихий, чистый голос, прозвучавший подобно капле, упавшей в глубокую заводь.

Стенки повозки были толстыми, да ещё и изнутри оббитыми плотными медвежьими шкурами ради тепла. Обычный человек, даже стоя вплотную, расслышал бы разве что невнятное бормотание. Однако возница обладал исключительным слухом — каждое слово донеслось до него отчётливо. Он нахмурился ещё сильнее. Он шевельнул губами, собираясь возразить, но вовремя сообразил, что в словесной перепалке с хозяином ему всё равно не победить. Чжун И упрямо сжал губы и промолчал, отчего его лицо сделалось ещё более хмурым.

Издалека донёсся глухой, протяжный гул. На городской башне солдаты ударили в огромный бронзовый колокол. Мерные удары поплыли над Юньанем, пробуждая спящий город к новой жизни.

Какая-то крестьянка открыла глаза, услышав колокол. Взглянув на сладко спящего рядом сынишку, она тепло улыбнулась, заботливо подоткнула ему одеяло и поднялась вместе с мужем. Для семьи начались привычные утренние хлопоты: нужно наколоть дров, растопить печь, согреть воду.

Солдаты дневного дозора стройными рядами поднялись на стены, зажигая и расставляя новые факелы. Величественные укрепления Юнъаня озарились тёплым янтарным светом.

Из-за массивных ворот послышался глухой стук копыт. С тяжёлым лязгом опустился подвесной мост. Створки ворот со скрипом разошлись в стороны, и наружу вышла когорта стражников, слаженно занявших свои посты у входа.

До рассвета оставалось ещё долго. Крестьяне и торговцы из окрестных деревень ещё не потянулись к рынку, поэтому одинокая повозка у ворот сразу бросалась в глаза. Навстречу ей выехал верховой офицер — круглолицый юноша лет двадцати. На его совсем ещё детском, румянном лице застыло суровое выражение, отчего он казался простоватым. Но за этой мнимой наивностью крылась смертельная опасность: враги нередко недооценивали этого крепыша, за что платили жизнями. На его поясе покоились две тяжёлые секиры, тускло поблёскивавшие в полумраке.

Прищурившись, офицер направил коня вперёд. В неверном утреннем свете лицо возницы скрывали поля широкой шляпы. Рука молодого командира легла на рукоять секиры.

— Кто едет? — окликнул он.

Повозка медленно подкатила ближе. Богатырь снял бамбуковую шляпу и поднял взгляд:

— Генерал Янь, это я, Чжун И.

Разглядев лицо собеседника, Янь Чжэн облегчённо и добродушно рассмеялся:

— А, брат Чжун! Рад видеть. А внутри... — Он многозначительно указал кончиком плети на закрытый экипаж.

Чжун И молча кивнул. Генерал Янь всё понял без слов и жестом велел подчинённым расступиться, освобождая дорогу для повозки.

Один из новобранцев, проводив экипаж взглядом, тихонько толкнул локтем стоявшего рядом ветерана:

— Дядька, а кто это там, внутри?

— Как кто? Господин Цзин, Цзин Юньшу, — отозвался старый солдат, глядя вслед удаляющейся повозке. — Сразу видно, что ты не местный. Неужто и впрямь не слыхал о нём?

— Слышать-то слышал, — удивился новобранец. — Я хоть в городе всего пару дней, а про главу клана Цзин наслышан. Да только повозка у него... самая обычная. А ещё говорят, богатейший дом в Юньане!

Старый вояк усмехнулся с важным видом:

— Генерал-то у ворот редко стоит, ему без надобности. А вот нам, служивым, ухо остро держать надо. Ты прислушайся. Бубенцы на их экипажах — работы особой, секретной. Звонят чисто, ни с чем не перепутаешь. Поживёшь здесь подольше — сам научишься различать.

Если миновать колокольную башню и повернуть на запад, взгляду откроется обширная усадьба. Она располагалась в самом тупике улицы. Все близлежащие дома были обращены фасадами на юг, а их ворота не смотрели друг на друга, отчего случайных прохожих здесь почти не бывало. Перед главным входом возвышался величественный экран-защитник с искусно вырезанным барельефом пионов, символизирующих богатство и процветание. По бокам от ворот высились каменные коновязи, увенчанные изваяниями зорких соколов. Вся мостовая в этих владениях была вымощена гладким сизым плитняком — чистым и ухоженным, без единой соринки.

Слуги в охристых одеждах усердно прибирали двор и террасы. Пожилой мужчина с аккуратной седеющей бородой — управляющий усадьбой, дядюшка Чэнь — зорко следил за работой. Под его началом слуги ровно развешивали бумажные фонари. Стоило затеплиться первым огоньком, как в их мягком сиянии отчётливо проступили глубокие, уверенные мазки иероглифов на лаковой вывеске над воротами: «Поместье Цзин».

Рядом с управляющим стояла миловидная девушка в стёганой кофте с мелким цветочным узором. Её волосы были уложены в аккуратный пучок, брови подведены изящным изгибом, а губы тронуты алой помадой. Улыбнувшись, она мягко промолвила:

— Дядюшка Чэнь, у нашего господина слабое здоровье. Брат Чжун ни за что не стал бы гнать лошадей всю ночь напролёт. Зря вы сейчас велите зажигать фонари — совсем скоро рассвет, придётся тушить.

— Барышня Чжили, вы же знаете причуды господина — он любит, чтобы всё вокруг сияло. Так что пусть горят, — дядюшка Чэнь окинул взглядом ворота и удовлетворённо кивнул. Он уже собирался отдать новые распоряжения, как вдруг к ним, запыхавшись, подбежал служка. Управляющий поспешил ему навстречу: — Что такое? Неужто повозка на подходе?

— Темно ещё, глазом не разглядеть, — выдохнул слуга. — Но звон бубенцов ни с чем не

спутаешь! Наш звон, поместья Цзин. Наверняка господин вернулся!

Лицо Чжили озарилось радостной улыбкой:

— Надо же, ваши слова да Богу в уши! И впрямь вернулся! — Но тут же она обеспокоенно нахмурилась. — Да только к чему спешить в такую рань? Не случилось ли чего? Вдруг он ранен?

— С ним Чжун И, так что вряд ли, — отмахнулся дядюшка Чэнь, хотя в его глазах тоже мелькнуло беспокойство. Он тут же повернулся к слуге: — Живее! Беги проверь, закончила ли Чжихуа прибираться в спальне господина. И на кухню загляни, готовы ли горячие блюда. — Немного подумав, он добавил: — И пошли кого-нибудь известить господина Циня. Доложи, что глава вернулся.

Чжили прикрыла рот ладошкой, тихонько прыснув:

— Господин Цинь — это, конечно, хорошо... Да только если наш господин цел и невредим, он при виде лекаря опять поморщится. Он ведь у нас при виде господина Циня робеет пуще прежнего. Прямо как мышь перед котом!

Дядюшка Чэнь притворно нахмурился, хотя в уголках его глаз притаились смешинки.

— Ишь, разболталась, глупая девчонка, — пожурил он её. — Разве можно так о хозяине отзываться?

Четыре старшие служанки — Чжили, Чжихуа, Чжиянь и Чжимо — были лично воспитаны Цзин Юньшу. Каждая обладала особыми талантами, но все они в совершенстве владели искусством угадывать чужие мысли по одному лишь взгляду. Чжили же, будучи главной среди них, благодаря суровому жизненному опыту до того, как её продали в этот дом, всегда знала меру и держалась с безупречным достоинством.

Поняв, что управляющий не сердится по-настоящему, Чжили лукаво продолжила:

— Да ведь это не мои слова! Господин сам так изволил выразиться. В прошлый раз, когда он пытался обойти господина Циня стороной, но всё же попался ему на глаза, лекарь строго спросил его о причинах. И господин ответил: «Коль мышь завидит кота, ей самой судьбой велено держаться подальше».

Наконец, в предрассветных сумерках у ворот остановился экипаж. Управляющий, его дочь Чжэнь-нянь и все четыре служанки выстроились в ряд, встречая прибывших. Служка поспешил перехватить поводья и подставил к колесу деревянную подножку. Стоило Чжун И спрыгнуть с козлов, как дверца повозки отворилась изнутри. Другой слуга откинул тяжёлый полог. На край дверного проёма легла рука — бледная, точно первый снег, с тонкими, изящными пальцами.

Кожа её была столь нежной и гладкой, что сразу выдавала человека, непривычного к тяжёлому труду.

— Кх... Ну и стужа! — едва коснувшись ледяного дерева, он тут же отдернул руку обратно в тепло.

Чжихуа, отличавшаяся живым и решительным нравом, мигом взобралась на подножку. Распахнув принесённый с собой лисий плащ сочного медно-рыжего оттенка, она заботливо укутала им хозяина:

— Господин, отчего же у вас руки ледяные, словно льдышки?

— Оттого и ледяные, что замёрз, — слышался негромкий вздох.

Поддерживаемый Чжихуа, из повозки вышел молодой мужчина хрупкого телосложения. Брови его, очерченные плавной дугой, походили на далёкие горные хребты в тумане, глаза сияли глубокой прохладой осенних озёр, а благородный лик напоминал безупречный белый нефрит. Вся его фигура дышала утончённым изяществом, однако пушистый лисий мех лишь сильнее подчёркивал болезненную бледность лица — след неизлечимого с рождения недуга. Это и был прославленный хозяин богатейшего поместья в Юньане, глава клана Цзин — Цзин Юньшу.

— Он и крошки в рот за всю дорогу не взял. С чего бы ему греться? — ледяным тоном отозвался Чжун И, в чьём голосе слышалось долго сдерживаемое раздражение.

Цзин Юньшу замер на мгновение, скользнул взглядом по сердитому лицу телохранителя и, тихонько цокнув языком, принялся приподнимать полы своего тяжёлого одеяния.

— Господин, поосторожнее, — Чжихуа бережно придержала край его плаща.

— Знаю, — Цзин Юньшу по привычке протянул руку, собираясь опереться на крепкое плечо Чжун И, чтобы спуститься. Опершись на него и одной рукой опирая полы одежды, он заговорил: — Чжун И, вечно ты...

Договорить он не успел. Телохранитель, не дожидаясь окончания фразы, резко убрал руку и зашагал прочь. Без опоры Цзин Юньшу покачнулся и едва не полетел кубарем на землю. К счастью, стоявшая рядом Чжили вовремя подхватила его под локоть. Проводив удаляющуюся широкую спину Чжун И долгим взглядом, хозяин лишь тяжело вздохнул.

Чжихуа, убедившись, что господин твёрдо стоит на ногах, поспешно склонилась и расправила замявшийся подол его халата, чтобы тот снова не споткнулся.

Чжиянь, тихонько прыснув в кулак, заметила:

— И зачем только наш господин то и дело дразнит брата Чжуна?

Чжили согласно кивнула:

— И то правда. Но заметьте, брат Чжун всё же не ушёл, пока господин благополучно не спустился на землю.

Цзин Юньшу вскинул брови и с самым беззаботным видом махнул рукой:

— Подумаешь, не поужинал пару раз, а он уже волком смотрит! Разве ж это моя вина? Вы только поглядите на его физиономию, — Юньшу комично вытянул собственное лицо, показывая руками. — Мрачный, недовольный, вылитый осёл упрямый!

Слуги, не выдержав, дружно прыснули со смеху.

Чжихуа, однако, нахмурилась и с деланным укором произнесла:

— То-то охранник Чжун так спешил обратно в усадьбу! Даже если дорожная еда вам не по вкусу, негоже так издеваться над собственным здоровьем, господин. Капризничаете как дитя малое.

Цзин Юньшу задорно рассмеялся:

— Ишь ты, поглядите на неё! Всего на десять дней уехал, а она уже вздумала меня поучать. Сразу видно — девица влюбилась, у неё теперь на уме совсем другие заботы!

Девушка вспыхнула до кончиков ушей, смущённо топнула ножкой и вскрикнула:

— Господин!

Заметив, что верная служанка вот-вот расплчется от стыда, Цзин Юньшу поспешно примиряюще замахал руками:

— Ладно-ладно, молчу. Больше ни слова.

— Живее, ведите господина в тепло, — скомандовал дядюшка Чэнь.

Как только Цзин Юньшу в окружении служанок скрылся в глубине двора, управляющий повернулся к конюхам и велел распрягать бэйцзюэских коней, а саму повозку закатить через задние ворота.

<http://bllate.org/book/18296/1756688>